

начнешь читать в такой книжке, так сам всё помаленьку и при-
помнишь, и разыщешь, и разгадаешь. И наконец, вот отчего еще
я полюбил вашу книжку: иное творение, какое там ни есть, чита-
ешь-читаешь, иной раз хоть тресни — так хитро, что как будто
бы его и не понимаешь. Я, например, — я туп, я от природы
моей туп, так я не могу слишком важных сочинений читать; а это
читаешь, — словно сам написал, точно это, примерно говоря,
мое собственное сердце, какое уж оно там ни есть, взял его, лю-
дям выворотил изнанкой, да и описал всё подробно — вот как!
Да и дело-то простое, Бог мой; да чего! право, и я так же бы на-¹⁰
писал; отчего же бы и не написал? Ведь я то же самое чувствую,
вот совершенно так, как и в книжке, да я и сам в таких же положениях
подчас находился, как, примерно сказать, этот Сам-
сон-то Вырин, бедняга. Да и сколько между нами-то ходит Сам-
сонов Выриных, таких же горемык сердечных! И как ловко опи-
сано всё! Меня чуть слезы не прошибли, маточка, когда я
прочел, что он спился, грешный, так, что память потерял, горь-
ким сделался и спит себе целый день под овчинным тулупом, да
горе пуншком захлебывает, да плачет жалостно, грязной полою
глаза утирая, когда вспоминает о заблудшой овечке своей, об²⁰
дочке Дуняше! Нет, это натурально! вы прочтите-ка; это натурально!
это живет! Я сам это видел, — это вот всё около меня
живет; вот хоть Тереза — да чего далеко ходить! — вот хоть
бы и наш бедный чиновник, — ведь он, может быть, такой же
Самсон Вырин, только у него другая фамилия, Горшков. Дело-то
оно общее, маточка, и над вами и надо мной может случиться. И
граф, что на Невском или на набережной живет, и он будет то
же самое, так только казаться будет другим, потому что у них
всё по-своему, по высшему тону, но и он будет то же самое, всё
может случиться, и со мною то же самое может случиться. Вот³⁰
оно что, маточка, а вы еще тут от нас отходить хотите; да ведь
грех, Варенька, может застигнуть меня. И себя и меня сгубить
можете, родная моя. Ах, ясочка вы моя, выкиньте, ради Бога, из
головки своей все эти вольные мысли и не терзайте меня напрас-
но. Ну где же, птенчик вы мой слабенький, неоперившийся, где
же вам самое себя прокормить, от погибели себя удержать, от
злодеев защититься! Полноте, Варенька, поправьтесь; в здоровых
советов и наговоров не слушайте, а книжку вашу еще раз про-
чтите, со вниманием прочтите: вам это пользу принесет.

Говорил я про «Станционного смотрителя» Ратаяеву. Он⁴⁰
мне сказал, что это всё старое и что теперь всё пошли книжки с
картинками и с разными описаниями; уж я, право, в толк не взял
хорошенько, что он тут говорил такое. Заключил же, что Пуш-
кин хорош и что он святую Русь прославил, и много еще мне про-